

*Спасибо всем участникам группы «Тараканы!»,
настоящим и бывшим,
за то, что доверили мне свою историю.*

*Борису Володину (Tarafany.ru)
за энциклопедическое сопровождение,
фактчекинг и поддержку в трудную минуту.*

*Виталию Протопопову (@designedbyrim)
за многолетнюю дружбу и дизайн всего,
что связано с кампанией по предзаказу этой книги.*

*Моей жене Ане
за любовь, терпение и поддержку во всем.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	9
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	33
ГЛАВА 3	59
ГЛАВА 4	82
ГЛАВА 5	103
ГЛАВА 6	130
ГЛАВА 7	157
ГЛАВА 8	184
ГЛАВА 9	213
ГЛАВА 10	242
ГЛАВА 11	271
ГЛАВА 12	302
ГЛАВА 13	328
ГЛАВА 14	362
ГЛАВА 15	397
ГЛАВА 16	437

★ ТРАКАНЫ! с восклицательным знаком на конце ★

ГЛАВА 17	473
ГЛАВА 18	511
ГЛАВА 19	544
ГЛАВА 20	567
ГЛАВА 21	595
ГЛАВА 22	637
ЭПИЛОГ	665

ВСТУПЛЕНИЕ

— Си-и-ид, объясни-и-и, зачем нужна любо-о-овь? — мерзейшим голосом гундит диктор в наушниках.

— Не зна-аю, это тебе к Илье Че-е-ерту, — так же ужасно отвечает он сам себе.

На этом моменте я не выдерживаю и выдергиваю штекер наушников из телефона. Как можно настолько отвратительно читать текст? Диктор всеми силами пытался построить борзый голос, которым, по его мнению, должен был повествовать автор. Аудиокнига изобилует огромным количеством ляпов. Чтец регулярно путается в ударениях, не понимая значения многих слов. Если ошибки в сленге еще можно было простить (да какого черта!), то произношение «Фили рекордс» с ударением на первую «и» — это уже полная некомпетентность.

Испытывая физическую боль от услышанного, я стою в очереди на паспортный контроль аэропорта «Внуково». Мы с дочкой только что вернулись из турпоездки в столицу ФРГ и оба пребываем в тоскливом, меланхоличном состоянии духа. Неполную неделю мы с Полиной наминали пятками мощные берлинские улицы, интенсивно втягивая ноздрями капиталистический кислород. Сочные турецкие денеры и традиционные немецкие карривурст. Кристальная чистота улиц на контрасте с обоссанными пространствами под эстакадами в центре города, где люди

ночуют в спальниках прямо на земле. Впечатляющий мемориал холокоста. Возможность пить пиво в любом месте и при этом практически полное отсутствие общественных туалетов в центре города. Даже в «Макдаке» нельзя оправиться, какая звенящая пошлость! Если отвлечься от деталей, то Берлин очень напоминает Москву, смешанную с Питером. Никакого культурного шока тут не испытываешь. Очень приятный и понятный для нашего человека город.

Перед поездкой я зарядил в телефон аудиокнигу Дмитрия Спирина «Тупой панк-рок для интеллектуалов». Это какая-то паленая версия, записанная анонимным интернет-юзером. Я уже читал эту книгу года три назад, а тут захотелось обновить воспоминания. Перелеты, особенно международные, всегда сопряжены с продолжительными периодами ожидания, во время которых надо как-то себя занимать. Чтение с телефона — это не лучшая в таких случаях форма поглощения информации, а вот аудиокнига — самое оно. Так, отвлекаясь от бесячей манеры диктора, я то и дело задавался вопросами. Почему автор настолько по касательной проскакивает интереснейшие моменты в повествовании? А где мнения других участников истории? После того как количество вопросов сравнялось с количеством пальцев на моих руках, я начал их записывать. Это же прямо кладезь неудобных вопросов для автора и настоящая находка для интервьюера. Не дожидаясь момента, когда пограничник с каменным лицом юридически засвидетельствует факт моего прибытия на Родину, я набираю в телефонной книге «Спири...» и мякотью большого пальца жму в надпись «Дмитрий Спирин» на залпанном экране телефона.

— Ну здравствуй-здравствуй, Влэд Ерковиц (ударение на первый слог). Прозаик ты земли русской. Нашей российской землюшечки-то. Ты ведь биограф наш... Не рожала еще земляца-то эта биографов человеческих. Ты такой един-

ВСТУПЛЕНИЕ

ственный у нас. Здравствуй. Здравствуй. Рад, что ты мне позвонил, — каждый наш разговор со Спириным начинается с подобного шутиwego заворота. И вроде бы я к этому уже готов, но все новые сложносочиненные кружева, которыми обрастает приветственный спич лидера «Тараканов!», заставляют меня смущенно улыбаться. — Чем обязан, Влэд?

— Здравствуй, Дмитрий, — отвечаю я. — Книгу вот твою слушаю в исполнении отвратительного диктора. Но я сейчас не о нем. Хочу понять, ты специально не вдавался в детали многих моментов в истории? Там местами буквально по верхам, а глубина-то чувствуется. Про наркотики, про тюрьму, про отношения в группе... И вообще, где второе и третье мнение о тех событиях? Я, конечно, понимаю, что ты автор, ты так видишь...

— Вовка, ты прав. Я автор, и я так это все видел. Во всяком случае, на тот момент времени. Да и про некоторые вещи тогда еще нельзя было говорить прямым текстом. Оно и сейчас нежелательно... Во избежание критических последствий для некоторых.

— Ты про закон?

— Да, про него. Не знаю, что там говорится о сроках давности преступлений.

— Насколько я знаю, даже по особо тяжким делам срок давности пятнадцать лет. Так что уже можно говорить обо всем. У вас же там расчлененки не было?

— Не-е-е, таким не занимались, — смеется Спирин и, чуть помедлив, продолжает.

— Вовка, ты же прозаик. А у нас, как ты знаешь, корячится нехилый юбилей. Тридцать лет, как-никак. Напиши свою историю группы «Тараканы!».

★ **ТАРАКАНЫ!** с восклицательным знаком на конце ★

Тем более мы с тобой как-то уже обсуждали кое-что на этот счет, помнишь? Все бывшие участники группы сейчас живы и, возможно, даже находятся в здравом уме. Как минимум, они доступны для общения. Поговори, разберись, где я там наврал или недосказал. А я, конечно, окажу этому процессу всестороннюю поддержку. Правда, я сомневаюсь, что смогу вспомнить больше того, что уже описал в книге. Все-таки времени прошло очень много с тех событий. В любом случае я буду максимально честно отвечать на все вопросы. Тем более что я сейчас прохожу курс психотерапии, и центральная мысль там заключается в том, чтобы проговорить все большие вопросы вслух и таким образом освободиться от них. Так что работа над книгой станет хорошей добавкой к этому процессу.

Так неожиданно я получил предложение написать историю одной из самых значимых групп российской рок-сцены. Не путать значимость с популярностью. Эти два понятия пересекаются далеко не всегда. Группа «Тараканы!» большую часть жизни балансирует на странной грани между андеграундом и мейнстримом. Слишком популярные для первых и слишком неформатные и колючие для вторых. Но конфликт — это всегда благодатная почва для исследователя. В этом смысле «Тараканы!» — просто подарок.



ГЛАВА 1

Группа «Кутузовский проспект», которая считается предтечей «Четырех тараканов», организовалась не в 1991 году, как принято считать, а двумя годами ранее, когда Денис (Рубан) Рубанов, Юрий Ленин, Александр (Пэп) Потапов и Дмитрий Воробьев решили собрать рок-группу. Все они были одноклассниками, кроме Воробьева, который учился в другой школе.

Денис Рубанов вырос в цирковой семье. Его дедушка, Семен Борисович Рубанов, был заслуженным артистом РСФСР. В пятилетнем возрасте Денис впервые вышел на манеж в репризе легендарного клоуна Юрия Никулина, а в девять уже исполнял главную роль в двухчасовом цирковом представлении. Он играл мальчика, который не слушается бабушку и попадает в разные неприятности. При этом его мама Наталья Рубанова, которая была режиссером этого спектакля, играла сразу три роли: добрую волшебницу, злую колдунью и старуху Шапокляк, восемь раз переодеваясь в течение одного представления. В пятнадцать лет Денис уже выполнял олимпийские упражнения на кольцах под куполом цирка. Без страховки. При такой наследственности и вовлеченности в цирковую жизнь никто его даже не спрашивал, кем он хочет стать, когда вырастет. Это было и так понятно. Единственное, что можно было обсуждать, — это ампула. Тем не менее в четыр-

надцать лет он попросил маму договориться с музыкантом из циркового оркестра, чтобы его научили играть на бас-гитаре. С басистом он гонял гаммы по грифу и играл примитивный рок-н-ролл.

Вплоть до старших классов Денис постоянно гастролировал по Союзу вместе с цирком, сменив порядка тридцати школ. Стоит ли говорить, что учиться ему было некогда. Он и одноклассников-то не успевал запоминать. В родной московской школе номер пятьдесят шесть, где он доучивался последние годы, его всегда были рады видеть. Просто Денис так редко приезжал в Москву, что не успевал никому надоесть. Тем не менее после восьмого класса его и других веселых, но не очень старательных учеников попросили на выход.

— Я пошел учиться в вечернюю школу рабочей молодежи, — рассказывает Денис Рубанов. — Там было обязательное условие, что надо где-то работать, и я устроился на завод. Но мы с пацанами там особо не утруждались, шлялись по территории, дурью маялись. Как-то я шел по рельсе, оступился и упал рукой на разбитые стеклоблоки. Сильно повредил левую кисть и не мог продолжать играть на басу. Мы к этому времени уже что-то поигрывали с Пэпом и решили поменяться инструментами. Он взял бас, а я стал осваивать ударные. Все равно никто из нас еще не умел толком ни на чем играть, а барабанить у меня получалось лучше.

Александр Потапов, или Пэп, как его все называли, проживал в доме двадцать шесть по Кутузовскому проспекту. Этот дом знаменит тем, что в нем жили партийные бонзы. Серый кардинал Кремля Михаил Суслов, Леонид Брежнев и Юрий Андропов, который по очереди сменил на должностях одного, а потом и другого соседа. Дедушка Пэпа был большим чиновником, заместителем

ГЛАВА 1

министра сельского хозяйства СССР, но квартиру на втором этаже номенклатурного дома ему не выдавали. Он получил ее в результате обмена на другую жилплощадь. Несмотря на повышенную плотность больших чиновников на квадратный метр, никакого мажорства или высокомерия в отношениях между соседями никто не замечал. Это были люди старой закалки, и любые попытки считать себя выше других здесь осуждались. Единственное, что отличало этот дом, — это наличие милиционера в каждом подъезде. Они следили за теми, кто приходит, и всех незнакомых опрашивали: «Саша, это к тебе? Мальчик, а как твоя фамилия? А где живешь?» Но после смерти Андропова отменили и это. К концу восьмидесятых годов двадцать шестой дом уже ничем не отличался от других домов в районе.

— У меня был двухкассетник Sharp, который родители привезли из братской Монголии, — вспоминает Александр Потапов. — И один мой приятель едва ли не каждые выходные привозил мне пачку кассет с записями нового металла. Мы с ним это слушали, и я сразу переписывал, что понравится. Спасибо функции «ускоренная запись», позволявшей переписывать вдвое быстрее воспроизведения. Потом я таскал кассеты в школу и переписывал их уже для одноклассников. Денис Рубанов тоже интересовался металом, и на этой почве мы с ним задружились. За пару лет мы стали весьма подкованными в музле. Естественно, нам нравились и все сопутствующие этому жанру атрибуты. Прыжки с гитарами, размахивание хаерами, девушки табунами, пиротехника и все такое.

Так в процессе прослушивания очередной забористой композиции Пэп с Рубаном решили собрать группу и самим рубить метал. Для достижения цели самое главное — это желание, и оно у ребят было. Оставалось дело за ма-

лым — собрать полный состав группы и написать крутых песен. Третий участник в команде появился быстро. Буквально на следующий день Пэп оказался на дне рождения подруги. Там он познакомился с Дмитрием Воробьевым, который поражал тусовку исполнением трехаккордных песен на акустической гитаре. Это был единственный и лучший гитарист из всех, кого знал Александр Потапов. В тот же день Воробьев получил предложение присоединиться к группе. Да, требования к кандидатам были не очень высокие, но и группа из себя еще ничего не представляла. Интересно, что мама Воробьева, Надежда Семеновна, одно время была классной руководительницей Дмитрия Спирина, будущего участника группы. Она преподавала у него немецкий язык.

— Сосед по коммуналке подарил мне старую раздолбанную электрогитару без внутренностей и струн, — рассказывает Дмитрий Воробьев. — Мой дядька, сведущий в делах электроники и имевший опыт игры в группе, воссоздал этот инструмент, и так у нас появилась настоящая электрогитара. Старый магнитофон «Вега» выполнял роль усилителя и примочки. Мы крутили ручки и подбирали необходимый звук под Ассерт.

— Денис как-то притащил книжечку какого-то поэта девятнадцатого века, — продолжает Александр Потапов. — Там были стихотворения «Рок» и «Цепи». Совместив эти два слова, Рубан решил, что это отличные тексты для метал-команды. О чем еще, кроме металлического рока, может идти речь в стихах с такими названиями? В поисках четвертого музыканта мы приглашали к участию разных друзей, но надолго никто не задерживался. Кстати, среди возможных кандидатов был и мой одноклассник Петр Арсентьев, который позже стал участником группы «МЭД ДОГ», а еще позже — тур-менеджером Земфиры.

ГЛАВА 1

В итоге вокалистом новой группы стал Юрий Ленин, учившийся в параллели с Рубаном и Пэпом. После восьмого класса, когда Рубанов ушел в вечернюю школу, Ленина перевели в класс к Потапову. Юра Ленин вырос в такой семье, где тлетворное влияние Запада не только не приветствовалось, а даже каралось физически. Пару дней ходить с синей жопой, не имея возможности присесть, было нормой. Папа Ленина служил офицером в КГБ и детей держал в строгости. Тем не менее каждое лето Юру отправляли к бабушке в Эстонию, где был совершенно другой мир. Бабуля придерживалась либерального подхода к воспитанию ребенка, да и вообще в Прибалтике дышалось значительно свободнее, чем в остальном СССР. Устав бороться с эстонским сопротивлением, которое продолжалось вплоть до семидесятых годов, руководство страны выбрало мудрую стратегию не ломать морской народ через колено. Пусть они живут как хотят, главное, чтобы развевался красный флаг. Получалось, что Юра за лето напитывался духом пиратской вольницы в Эстонии и потом возвращался в Москву под строгий семейный надзор. С каждым годом управлять парнем становилось все сложнее, и на его увлечение хеви-металом не мог повлиять даже суровый отец.

— В школе я зарубался с учительницей на тему группы KISS, — рассказывает Юрий Ленин. — Она утверждала, что KISS расшифровывается как Kinder SS. А я уже увлекался английским, переводил тексты и спорил с ней: «Если это «Дети СС», то они должны петь про линчевание негров и убийства евреев, а не про тусовки, любовь и про жизнь в кайф». В итоге я чуть не вылетел из пионерской организации, и меня самым последним приняли в комсомол. Просто у них была какая-то квота, и меня взяли туда для количества. Родители, конечно, были в шоке от всего этого.

В третьем классе Юра услышал по телевизору новость про очередной виток напряженности в отношениях между СССР и США и написал письмо Рональду Рейгану, отправив его в американское посольство. Он писал на английском со словарем, старательно составляя мирное послание с просьбой не развязывать войну. На следующий день папа принес это письмо домой со штампом шестого управления КГБ. Ругать сына он не стал, но все же постарался объяснить, что это может навредить семье. Большой брат всегда наблюдает. Тогда маленький Юра впервые задумался о том, что в этой стране что-то не так, если даже искренний призыв к миру может довести до цугундера.

Первой репетиционной базой для группы была комната в квартире Пэпа. Бас-гитару сделали из семиструнной акустики, с которой просто убрали три лишние струны. Ударную установку собрали из двух барабанов, технично вынесенных из пионерской комнаты в школе, клетки почившего попугая вместо хэта и ведер, обтянутых плотным полиэтиленом.

— Из раскрытого окна во двор доносились жесточайшие звуки перегруженных катушечных магнитофонов, которые служили нам усилителями и колонками, — вспоминает Денис Рубанов. — Под окном стали собираться местные ребята, привлеченные грохотом. Потом они уже притащили лавку поближе. Мы это заметили и стали работать на публику. Периодически высовывались из окна, получая одобрительные возгласы. А первыми нашими зрителями стали многочисленные родственники Пэпа, для которых мы устраивали шоу в большой комнате.

— Я узнал, что в нашем районном Доме пионеров есть кружок под названием «Рок-группа», — рассказывает Дмитрий Воробьев. — То есть это реальное место с настоящими музыкальными инструментами и аппаратурой. И я